

- Driver H.E., Massey W.C.* Comparative studies of the North American Indians // Transactions of American Philosophical Society. 1957. Vol. 47 (2). P. 165–456.
- Kari J.* Ttheek'ádn Ut'iin Yaaniida' Qqñign'. Old-Time Stories of the Scottie Creek People. Fairbanks, 1996.
- Goddard P.E.* Jicarilla Apache Texts. N.Y., 1911.
- Thompson S.* Motif-index of folk-literature. Vols. 1–6. Bloomington: Indiana University Press, 1955–1958.
- Wassen H.* An analogy between South American and Oceanic myth motif and Negro influence in Darien // Etnografiska Studier. 1940. Vol. 10. P. 67–79.

Я.В. Васильков

**«КОЛЕСО ВРЕМЕНИ» В ИНДИЙСКОМ ЭПОСЕ
И «ПЕЩЕРА СУДЕБ» У О. ПАВЛА ФЛОРЕНСКОГО**

В моей статье для предыдущего «Радловского сборника» (2009 г.) упоминалось об индоевропейской трехуровневой системе представлений о судьбе: верховным фактором является *круговорот Времени*, на среднем уровне проводником его установлений является *божество*, которое и устанавливает человеку при рождении его *долю*.

Эта архаическая концепция проявляется в англо-саксонском «Беовульфе», гомеровском эпосе [Ил. XXIV, 525–533], но наиболее полно реализована она в сербской сказке об Усуде (есть украинские и чешские параллели). Бедняк, стремясь выяснить причину, почему он несчастен, а брат процветает, отправляется искать Усуда — бога судьбы. Перед этим случайно встретилась ему прекрасная девушка, прядущая золотую нить и оказавшаяся «долей» (*среча*) его брата; затем встретил он седую, страшную и ленивую девку, которая оказалась его собственной «долей». Обоих назначил братьям Усуд. Бедняк попадает, наконец, в жилище Усуда — богатый дворец. Усуд пирует с гостем и оставляет его у себя. В полночь в окно Усуда кто-то стучит с криком: «О Усуд, сегодня родилось столько-то душ, дай им, что хочешь». Усуд рассыпает по комнате золотые монеты из сундука, приговаривая: «Как мне сегодня, так и им до века». Со следующего дня дом Усуда начал, однако, беднеть, и все в нем стало меняться к худшему. Наконец, он стал нищей лачугой. Когда снова постучали в окно, Усуд стал рассыпать по полу одни черепки, между которыми попадалась иногда медная денежка, со словами: «Как мне сегодня, так и им до века». Тут круг замыкается, и на другой день хижина опять становится царским дворцом. Усуд объясняет гостю, в ответ на его расспросы, что он родился в «бедную» ночь, а его брат и дочь последнего — в богатую. Единственный способ для бедняка хоть как-нибудь исправить положение — это взять дочь брата в свой дом (см., напр.: [Потебня 1989: 509–516]).

Определяя сербского Усуда как «верховное мифологическое существо», от которого зависит «личная доля», А.А. Потебня писал: «Замечательно, что Усуд находится под властью необходимости, с которой его царский дворец периоди-

чески изменяется в бедную избушку. Эта необходимость остается безо всяких определений» [Там же: 509]. В отличие от этого индийская параллель данной славянской мифологемы определяет высшую необходимость, устанавливающую судьбу, вполне конкретно.

В «Махабхарате» есть эпизод, в котором брахманский ученик Уттанка, отыскивая предназначенные им в дар своему учителю, но похищенные нагами (змеями-оборотнями) серьги, попадает через расселину в подземный мир нагов. Здесь ему является видение:

«Он увидел двух женщин, которые ткали матерью, возложив ее на ткацкий станок. На том станке были черные и белые нити. Еще он увидел колесо, которое вращали шесть мальчиков. И увидел мужа, чья красота радовала взор. Тогда он восславил их стихами-заклинаниями:

“Триста и шестьдесят (спиц) закреплены в центре этого вечно вращающегося, непреходящего колеса, составленного из двадцати четырех парванов¹; а крутят его шесть мальчиков. На этом вселенском станке ткут две молодницы, непрестанно переворачивая нити, чередуя черные и белые, (творя) существа и миры. Кто обладает ваджрой, хранит этот мир, кто убил Вритру, погубил Намучи, кто, великий духом, облачен в пару черных одежд, кто различает в этом мире истину и ложь, кто сделал своим ездовым конем древнего сына Вод Вайшванару, — тому всегда поклон, Владыке мира, повелителю тройственной Вселенной, Разрушителю городов!” [Мбх I. 3. 147–153].

Песнь Уттанки приятна незнакомцу, который оказался богом Индрой, и он помогает вернуть похищенные серьги. Прибыв к учителю, Уттанка просит его истолковать виденное.

«Говорит Уттанка наставнику: “О почтенный, царь нагов Такшака препятствовал мне в моем деле. Он завел меня в мир нагов. Там я увидел двух женщин, которые изготавливали ткань, возложив ее на ткацкий станок. На том станке были белые и черные нити. Что это такое? Еще я видел колесо с двенадцатью спицами. Его вращали шесть мальчиков. А это что такое? И еще я видел (там) мужа — кто это был?”» [I. 3. 166–169].

«На это наставник ему ответил: “Те две женщины — Дхатри и Видхатри. Белые нити и черные — это ночи и дни. А что до колеса с двенадцатью спицами, которое вращали шесть мальчиков, то это были шесть сезонов, а колесо — Год. Тот муж был Парджанья”» [I. 3. 172–173].

Наставник Уттанки не вполне точен, разгясняя черные и белые нити как «ночи и дни». Значение их шире. Сам Уттанка ближе к истине, когда он говорит, что из этих нитей ткутся «существа и миры». Скорее всего, эти нити — просто пары противоположностей (счастье — несчастье и др.). Колесо Года

¹ Парваны — 1. «сочленения», «узлы», «суставы»; 2. «части», 3. «дни смены лунных фаз».

является, возможно, *прялкой* (или пряслицем, веретенем), на которой прядутся эти нити. В мифологии судьбы образы прях со временем, как правило, вытесняются образами ткачих, и это диктуется не историческим развитием технологий, а эволюцией самих представлений о судьбе. Символика прядения в применении к судьбе является поэтому пережитком глубокой архаики. Но в «Видении Уттанки» (далее: ВУ) прядение и ткачество, старое и новое мирно уживаются, что очень характерно для Индии.

ВУ не оставляет никаких сомнений в том, какая «высшая необходимость» управляет действиями парных божеств судьбы, Дхатри и Видхатри. Она представлена здесь в образе «Колеса Года», или «Колеса Времени».

Примечательно то, что в ВУ древний образ ткачих (прях) судьбы является в обрамлении другого, грандиозного архетипического образа, который можно назвать «пещерой судеб» и который своими корнями уходит, по-видимому, в доисторическую глубину, к палеолитической «пещере-утробе», но чреват, как мы увидим, многообразными религиозно-философскими смыслами в будущем.

Удивительное (на первый взгляд) совпадение с ВУ находим в лирическом вступлении о. Павла Флоренского к его труду «У водоразделов мысли». Этот текст, озаглавленный «На Маковце» [Флоренский 1990: 17–23], по словам его комментаторов, «приобщает читателя к тем первичным интуициям бытия, из которых постепенно выросли — как их осмысление, перевод на понятийный язык — отдельные части труда “У водоразделов мысли”» [Там же: 370]. В кульминационной точке этого текста о. Павел предлагает читателю в поисках Утренней Звезды — Денницы (символа света Христова) сойти в «пещеру» своего сердца:

«Сойди в себя — и узришь обширные своды. Ниже, оставь страх, спустись в пещеру. Ноги твои ступят на сухой песок, мягкий и желтый, дающий отдохновение. Здесь заглушен шаг твой. Здесь сухо и почти тепло. *Капли времен* срываются со сводов и падают в глубины мрака. Гулкие переходы наполнены реюющим звуком: словно *бьют свои удары* многочисленные *маятники*. Как в мастерской *часовщика*, нагоняют и перегоняют друг друга неисчислимые *ритмы*, сплетаются и расплетаются. *Упруго жужжат веретена судеб. Сердца всех существ пульсируют в этих недрах.* Тут, *от мглы и лучей, рождаются все вещи мира.* Тут *ткется, из ритмических колебаний, быстрых и медленных, глухих и звонких, живой покров, что называется Вселенной.* Сюда, *в утробу земли*, собираются и звездные токи, огустевающие в драгоценные камни. Тут-то, под пещерными сводами сердца, и воссияет Звезда Утренняя» [Там же: 20; курсив мой. — Я.В.].

Сразу после своего опубликования в 1990 г. этот текст очень заинтересовал историков философии, поскольку совершенно расходится с привычным для философов образом «пещеры Платона». Но никак нельзя предположить, что этот текст рожден лишь непосредственной «интуицией бытия». Зависимость созданной о. Павлом картины от ВУ очевидна. Она свидетельствуется сочетанием образов прядения («веретена судеб») и ткачества («ткется <...> живой покров <...> Вселенной»), уподоблением «нитей» парам противоположностей («быстрое — медленное», «глухое — звонкое»), включая и «черное — белое» («из мрака и света»). Однако, оттолкнувшись от ВУ, проникнув интуитивно

в его архетипическую основу, о. Павел воскрешает все возможные, засвидетельствованные в разные эпохи варианты реализации этого архетипа. Он синтезирует первобытную «пещеру-утробу» с «пещерой судеб» из ВУ и с индийской мистической (но также православно-исихастской) «пещерой сердца», привнося сюда к тому же христианский (и гностический) образ света, который «во тьме светит, и тьма не объяла его» (Ин. 1.5; см: [Топоров 1992: 312]).

Вопрос о том, как мог о. Павел познакомиться с ВУ, снимается указаниями на его постоянные контакты в период работы над текстом «На Маковце» с В.А. Кожевниковым — православным философом и одновременно известным индологом. О. Павел состоял вместе с ним в Обществе ищущих христианского просвещения. Есть свидетельства о том, что Кожевников знакомил Флоренского с индийскими религиозно-мифологическими сюжетами [Флоренский 1990: 351, 359, 375, 428].

Библиография

Потебня А.А. Слово и миф. М., 1989.

Топоров В.Н. Пещера // МНМ. М., 1992. Т. 2. С. 311–312.

Флоренский П.А. У водоразделов мысли. М., 1990. Т. 2.

К.М. Воздиган

СОВРЕМЕННЫЕ МОТИВЫ В ИСКУССТВЕ И МИФОЛОГИИ ПЛЕМЕНИ РАТХВА

Ратхвы — относительно небольшая племенная группа из числа «зарегистрированных племен» (adivasi или scheduled tribes), относящихся к коренному населению штата Гуджарат. Проживают ратхвы в основном в лесистых районах Западной Индии, в округах Панчмахал и Барода, а также в западных областях штата Мадхья Прадеш. По материалам переписи населения Индии за 2001 г., численность племени составляет 7,2 % от общего количества зарегистрированных племен Гуджарата, т.е. более полумиллиона человек¹. Традиционными занятиями являются земледелие, разведение скота (в основном коров, буйволов и коз), птицы. Но в большой степени племя зависит от леса, который «обеспечивает ему пропитание, объекты поклонения (в виде диких животных), древесину для топлива и строительства и прочие продукты, необходимые для жизнеобеспечения и процветания» [Mohanty 2006: 50].

Племя ратхвов известно исследователям благодаря ритуальным настенным росписям, посвященным местному богу Питхоро и кругу связанных с ним божеств.

¹ С материалами переписи населения Индии за 2001 г. можно ознакомиться на официальном сайте www.censusindia.gov.in.